

СОЮЗЪ МОНИСТОВЪ (DEUTSCHER MONISTEN BUND) И БОРЬБА СЪ НИМЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

(Окончаніе) ¹⁾.

6. иезуитъ Васманъ противъ монизма.

Въ 1905 году Геккель прочиталъ въ Берлинѣ рефератъ о теоріи развитія (Entwickelungstheorie) и о происхожденіи чело-вѣка (Abstammungslehre) и, между прочимъ, въ доказа-тельство распространенности этой теоріи, указалъ на небез-извѣстнаго біолога и изслѣдователя жизни муравьевъ и термитовъ Эриха Васмана, который, по словамъ Геккеля, хотя и состоитъ католическимъ священникомъ и даже чле-номъ общества Иисуса, тѣмъ не менѣе долженъ былъ при-знать въ принципѣ правильность теоріи происхожденія ви-довъ (Deszendenzlehre). Два года спустя Васманъ самъ при-былъ въ Берлинъ, чтобы въ свою очередь прочитать рефе-ратъ на ту же тему и, чтобы познакомить съ своими взгля-дами болѣе широкую публику, предложилъ Берлинскимъ представителямъ монизма высказаться по поводу его рефе-рата. Тѣ приняли его вызовъ, и такимъ образомъ въ фе-вралѣ 1907 года состоялся въ Берлинѣ весьма оригиналь-ный ученый диспутъ иезуита съ монистами. По предвари-тельному соглашенію, Васманъ раздѣлилъ свой рефератъ на три вечера (13, 14 и 17-го февраля); четвертый же вечеръ (18-го) назначенъ для рѣчей оппонентовъ и для заключи-тельного слова референта. Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, это не было собственно состязаніе, на которомъ за каждыиъ-

¹⁾ См. Декабрь 1911 г.

положеніемъ слѣдовало бы возраженіе и защита, а *лишь* рядъ рѣчей на одну тему, растянутыхъ на цѣлую недѣлю: при такой постановкѣ диспута публика не могла, конечно, вывести цѣльнаго впечатлѣнія и была очень утомлена. Очень жаль также, что силы были распределены весьма неравномерно: на сторонѣ Васмана былъ лишь одинъ ораторъ, зоологъ Тезингъ, да и то лишь отчасти раздѣляющій его взгляды; остальные же десять ораторовъ (если не считать председателя, профессора анатоміи Вальдейера) были сплошь его противниками, а именно: Пляте (L. Plate), проф. зоологіи, Бельше (W. Bölsche), небезызвѣстный популяризаторъ монизма, Даль (Dahl), хранитель Берлинскаго музея естествознанія, Фриденталь (Friedenthal), приватъ-доцентъ физиологъ, Ганземанъ (Hansemann), патологъ въ одной изъ Берлинскихъ больницъ, графъ фонъ Гёнсбрехъ (Graf von Hoensbroech), историкъ, бывший іезуитъ и перешедшій въ протестанство, Юліусбургеръ (Juliusburger), врачъ—психіатръ, Ительсонъ (G. Itelson), русскій еврей, проживающій въ Берлинѣ и назвавшій себя историкомъ, и философомъ, Плетцъ (Plötz), антропологъ, и Шмидтъ (Schmidt), бывший ассистентъ Геккеля въ Йенѣ и генеральный секретарь Союза монистовъ. И если принять во вниманіе то, что всѣ эти оппоненты говорили въ послѣдній вечеръ и притомъ подрядъ одинъ за другимъ, то приходится признаться, что монисты перехитрили іезуита. Тѣмъ не менѣе диспутъ не могъ не произвести благотворнаго дѣйствія на публику; уже одно выступленіе ученаго естествоиспытателя въ защиту Библии и христіанства показало, что распространяемое монистами убѣжденіе въ абсолютной непримиримости христіанства съ современной наукой раздѣляется не всеми учеными: притомъ и научная аргументація, выставленная Васманомъ, и особенно критическія замѣчанія его о монизмѣ не могли остаться незамѣченными. Характерно, что протестантская богословская печать обошла молчаніемъ этотъ диспутъ: вѣдь, въ защиту христіанства выступить не протестантскій пасторъ, а католическій патеръ, да еще іезуитъ!

Въ *первый* вечеръ Васманъ говорилъ о теоріи развитія, какъ гипотезѣ ¹⁾. Для объясненія разнообразія существую-

1) Мы излагаемъ содержаніе реферата Васмана и рѣчей оппонентовъ.

цаго органическаго міра существуютъ двѣ теоріи: 1) константная (*Konstantztheorie*) теорія, признающая перечисляемые современной зоологіей и ботаникой виды животныхъ и растений величинами неизмѣнными, не имѣющими никакой генетической связи ни между собою, ни съ прежде существовавшими видами, и 2) теорія развитія (*Entwickelungstheorie*), признающая существующую фауну и флору лишь конечнымъ (но не послѣднимъ) звеномъ непрерывной, тянущейся отъ насъ въ глубь вѣковъ, цѣпи животнаго и растительнаго царства. Васманъ рѣшительно становится на сторону послѣдней и приводитъ въ защиту ея многочисленныя и весьма интересные примѣры изъ своей специальной области и именно изъ жизни муравьиныхъ и термитовыхъ паразитовъ (*Ameisen=und Termitengäste*), т. е. разныхъ жучковъ и мошекъ, которые, приспособляясь къ условіямъ жизни среди разныхъ породъ муравьевъ и термитовъ, и сами постепенно, черезъ нѣсколько поколѣній, измѣняются. Но, признавая теорію развитія. Васманъ ставитъ ей извѣстныя, строго опредѣленныя границы. и въ этихъ границахъ она, по его убѣжденію, нисколько не противорѣчитъ христіанству и Библіи. Во первыхъ, цѣлью теоріи развитія онъ считаетъ научное изслѣдованіе, такъ сказать, родословнаго дерева тѣхъ органическихъ формъ завершеіемъ которыхъ являются современные виды фауны и флоры; но рѣшеніе вопроса о происхожденіи этихъ формъ не входитъ и не можетъ входить въ ея задачи; произошли ли онѣ путемъ самозарожденія (*Urzeugung*) или путемъ творенія.—это натуръ-философская проблема, которая къ естественнонаучной теоріи относится не можетъ. Во вторыхъ, теорія развитія не принадлежитъ къ разряду опытныхъ наукъ, представляя собою лишь рядъ гипотезъ, съ болѣею или меньшею вѣроятностью объясняющихъ происхожденіе органическихъ видовъ; генетическая связь существующихъ формъ съ древними, естественно, не поддается никакому наблюденію или эксперименту. Въ третьихъ, принципы развитія или происхожденія, насколько его можно установить научно, относятся лишь къ самымъ мелкимъ группамъ организмовъ; но чѣмъ далѣе мы идемъ отъ

по книжкѣ проф. Плате: Prof. L. Plate. „Ultramontane Weltanschauung und moderne Lebenskunde. Orthodoxie und Monismus“. Berlin, 1907.

мелкихъ къ болѣе крупнымъ, болѣе общимъ категоріямъ, тѣмъ слабѣе становятся научныя доказательства и, наконецъ, совсѣмъ прекращаются. Сколько именно существуетъ родословныхъ линій организмовъ.—ни одинъ современный ученый установить не въ состояннн; можетъ быть, черезъ 2000 лѣтъ человѣчество будетъ знать объ этомъ болѣе. Признаніе же монистами монофилетическаго (т. е. отъ одного корня) развитія всего органическаго царства—есть ни болѣе, ни менѣе, какъ прекрасный сонъ, лишенный всякаго естественно научнаго основанія. Установивъ, такимъ образомъ, свой взглядъ на теорію развитія, Васманъ переходитъ къ библейскому сказанію о твореннн организмовъ и говорить, что къ сказанію этому не приложимы современныя научныя мѣрки: Библия—не учебникъ естествознанія, она преслѣдуетъ религіозныя, а не естественнонаучныя цѣли. Что такое, напр., „родъ“ у бытописателя („и создалъ Богъ звѣрей земныхъ по роду ихъ“...), аристотелевское ли *εἶδος*, или современный „видъ“, и притомъ „видъ“ константной теоріи, или „видъ“ эволюціонной теоріи? Васманъ склоняется къ послѣднему объясненію, видя въ созданныхъ Богомъ породахъ—родоначальниковъ всего,—путемъ развитія дошедшаго до совершенныхъ формъ,—органическаго міра.

Во второй вечеръ Васманъ сопоставлялъ двѣ теоріи развитія,—теистическую, главнымъ представителемъ которой является христіанство, и атеистическую или монистическую. Противъ научнаго монизма или каузализма Васманъ собственно ничего не имѣетъ, такъ какъ главный принципъ его,—требованіе естественной причины для каждаго естественнаго явленія,—онъ и самъ раздѣляетъ ¹⁾; но онъ возстаегъ противъ метафизическаго монизма, отождествляющаго Бога съ міромъ. По его мнѣнію, сущность этого монизма выражается въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ: 1) не существуетъ никакого личнаго Творца, никакого внѣміроваго Бога; міръ съ его законами существуетъ вѣчно; 2) первые организмы возникли путемъ самоза-

¹⁾ Здѣсь Васманъ, кажется, допустилъ необдуманно слишкомъ большую уступку: раздѣляя этотъ принципъ въ полномъ объемѣ, онъ долженъ будетъ отказаться отъ признанія чудесъ, что онъ едва ли сдѣлаетъ, какъ католическій священникъ и іезуитъ.

рожденія, т. е. произошли сами собой изъ неорганической матеріи; 3) не существуетъ никакой цѣлесообразности въ мірѣ живыхъ существъ: все развивается по чисто механическимъ законамъ; 4) нѣтъ существеннаго различія между человѣкомъ и животнымъ; о духовной, бессмертной душѣ человѣка не можетъ быть и рѣчи. Этими положеніямъ Васманъ противопоставляетъ слѣдующіе теистическіе тезисы: 1) признаніе личнаго Бога, существующаго, благодаря Своему безконечному совершенству, изъ Себя Самого и чрезъ Себя Самого и создавшаго все ограниченное, конечное, которое—именно по причинѣ своей ограниченности и случайности—не можетъ имѣть въ себѣ самомъ причину бытія; 2) твореніе всего изъ ничего, конечно, непостижимо, но невозможно; оно было бы невозможно, если бы не было безконечно-совершеннаго Бытія, которое уже пржеде потенциально заключало въ Себѣ конечное бытіе, что мы и видимъ именно въ теистическомъ понятіи Божества; 3) вмѣстѣ съ твореніемъ матеріи дана была уже и законообразность всего космическаго развитія и всего развитія неорганической матеріи; 4) живыя существа появились чрезъ особый творческій актъ: изъ существующей уже мертвой матеріи Богъ создалъ первую органическую субстанцію; естествознаніе пока не доказало возможности самозарожденія, а философія признаетъ его невозможнымъ; но если оно невозможно, а организмы все-таки существуютъ, то, очевидно, они созданы вышею Причиною, спеціальнымъ воздѣйствіемъ Творца на матерію; 5) вмѣстѣ съ твореніемъ первыхъ организмовъ въ нихъ заложены были и внутренніе законы цѣлесообразнаго развитія, обусловившіе всю дальнѣйшую генетическую преемственность организмовъ; до сихъ поръ не найдено еще такихъ химико-физическихъ формулъ, которыя могли бы всецѣло объяснить жизнь; едвали онѣ и будутъ когда либо найдены; то, что мы называемъ жизнью,—нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ всѣ матеріальныя, химико-физическія явленія, служащія процессу жизни; 6) у животныхъ также есть душа, но низшаго порядка; вся дѣятельность ея состоитъ въ чувственныхъ воспріятіяхъ, въ связи этихъ воспріятій, въ памяти, въ модификаціи прежняго опыта; собственно-духовная жизнь присуща лишь человѣку, только человѣкъ можетъ составлять понятія, дѣлать общіе выводы, только человѣкъ

при помощи своего разума можетъ возвыситься надъ отдѣльными явлениями, и на этомъ свойствѣ его основываются искусство, наука, религія, чего не находимъ въ животномъ царствѣ.—Сравнивая тезисъ съ монизмомъ съ точки зрѣнія означенныхъ положеній, Васманъ приходитъ къ заключенію, что первому слѣдуетъ отдать предпочтеніе уже потому, что онъ имѣетъ дѣло лишь съ одной загадкой,—фактомъ творчества,—изъ которой уже безъ труда, въ логической послѣдовательности, вытекаетъ все остальное. Монизмъ же стоитъ предъ тысячею неразрѣшимыхъ загадокъ: вѣчность матеріи, происхожденіе перваго движенія во вселенной, законы природы, которые не могли случайно возникнуть изъ хаоса, и пр.—Далѣе, Васманъ переходитъ къ дарвинизму и, въ частности, подвергаетъ критикѣ теорію естественнаго подбора. Онъ соглашается съ Дарвиномъ, что въ мірѣ идетъ постоянная борьба за существованіе и что въ этой борьбѣ побѣждаютъ и остаются жить существа, болѣе приспособленныя къ даннымъ условіямъ; но, во первыхъ, онъ предостерегаетъ отъ преувеличеннаго расширенія Дарвиновскаго принципа на всѣ естественныя явленія: цѣлый рядъ приводимыхъ имъ примѣровъ изъ его специальности не только не можетъ быть объясненъ естественнымъ подборомъ, но и свидѣтельствуетъ какъ разъ противъ него; во вторыхъ, самая приспособляемость побѣдителей въ борьбѣ за существованіе не можетъ быть объяснена исключительно случаемъ, какъ это дѣлаетъ Дарвинъ, но болѣе зависитъ отъ внутреннихъ причинъ, которыя и являются важнѣйшимъ факторомъ развитія организмовъ...

Третій вечеръ Васманъ посвятилъ теоріи происхожденія видовъ въ приложеніи ея къ человѣку. Вопросъ о происхожденіи человѣка не можетъ быть разсматриваемъ, какъ вопросъ только зоологич. Кто признаетъ въ человѣкѣ душу, существенно отличную отъ тѣла, для того важнѣе всего вопросъ о происхожденіи именно этой высшей составной части человѣка, а этотъ вопросъ принадлежитъ къ области психологіи и отчасти богословія; психологія же учитъ, что душа человѣка не только существенно отлична отъ души животныхъ, но что она есть простое, духовное существо и, какъ такое, не можетъ быть продуктомъ развитія, но обязано—своимъ существованіемъ творческому акту. Такимъ об-

разомъ возможенъ лишь вопросъ о происхожденіи тѣла человѣческаго изъ животнаго. Бытописатель повѣствуетъ, что Богъ создалъ тѣло изъ земли и вдунулъ въ него дыханіе жизни; подъ землею здѣсь обыкновенно понимаютъ мертвую матерію, но Васманъ находитъ возможнымъ разумѣть здѣсь и матерію органическую, т. е. живое существо.—Переходя къ естествознанію, Васманъ дѣлитъ естественно-научныя доказательства животнаго происхожденія человѣка на *зоологическія* и *палеонтологическія* и старается ослабить ихъ значеніе.

1., а) Сравнительная морфологія (ученіе о вышней структурѣ, формахъ организмовъ) указываетъ большое сходство въ строеніи тѣла человѣка и высшихъ породъ обезьянъ; но не слѣдуетъ замалчивать и различія между ними въ положеніи тѣла, въ особенностяхъ костей, въ строеніи черепа и мозга.

б) Теорія развитія утверждаетъ, что процессъ развитія индивидуума (онтогенія) одинаковъ не только у родственныхъ формъ, но часто и у цѣлаго рода (филогенія): это дало поводъ Геккелю установить такъ называемый биогеническій основной законъ: „онтогенія есть повтореніе филогеніи“ (Die Ontogenie ist die Rekapitulation der Phylogenie): не оспаривая этого закона въ приложеніи ко многимъ частнымъ явленіямъ, Васманъ, однако, протестуетъ противъ обобщенія его и въ особенности противъ приложенія его къ человѣку, причемъ ссылается на новѣйшія данныя морфологіи и эмбриологіи (ученіе о зародышахъ).

в) Такъ называемые рудиментарные органы, т. е. органы человѣческаго тѣла, назначеніе которыхъ неизвѣстно и которые могутъ быть даже вредны,—какъ напр., отростокъ слѣпой кишки,—считаются многими естествоиспытателями однимъ изъ очевиднѣйшихъ доказательствъ происхожденія человѣка отъ животныхъ. Васманъ съ этимъ не согласенъ: относительно нѣкоторыхъ органовъ, каковы, напр., разнаго рода железа, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, найдено, что онѣ имѣютъ важное значеніе въ жизни организма; отростокъ слѣпой кишки могъ сдѣлаться короче вслѣдствіе перехода человѣка съ растительной пищи на животную, а частыя заболѣванія аппендицитомъ могутъ быть объясняемы условіями нашей культуры, такъ какъ у дикихъ народовъ этого рода заболѣванія встрѣчаются весьма рѣдко. Сокращеніе ушныхъ мускуловъ, безцѣльное въ настоящее время, можно объяснить

тѣмъ, что наши отдаленные предки жили въ такихъ условіяхъ, при которыхъ приходилось болѣе напрягать слухъ, чѣмъ теперь. г) Наконецъ, Фридендалевская (Friedenthal) теорія о родствѣ челоуѣка съ обезьяной на основаніи химическихъ и физиологическихъ свойствъ ихъ крови также не удовлетворяетъ Васмана, такъ какъ изслѣдованія другихъ ученыхъ (Rössle, Uhlenhuth, Brumpt) и отчасти новѣйшіе опыты самого Фридентала опровергаютъ его выводы: Брумπτъ, напр., наблюдалъ, что кровь людей, одержимыхъ сонною болѣзнію, заражаетъ многихъ млекопитающихъ, но совершенно безвредна для нѣкоторыхъ породъ обезьянъ и свиней.—Изъ всего этого Васманъ заключаетъ, что теорія о прямомъ родствѣ между челоуѣкомъ и высшими породами обезьянъ, раздѣляемая Геккелемъ, Фогтомъ, Селенкой и др., должна быть сдана въ архивъ. Болѣе вѣроятной, съ точки зрѣнія современной зоологіи, является другая теорія (Klaatsch, Stratz, Alsberg и др.), по которой люди и обезьяны происходятъ отъ одного общаго родоначальника; но и эта теорія оставляетъ много неяснаго и недоумѣннаго: какъ, напр., объяснить, что до сихъ поръ найдено не менѣе 30 породъ ископаемыхъ полу-обезьянъ и 18 породъ ископаемыхъ обезьянъ, тогда какъ въ отношеніи челоуѣка не нашли пока ни одной переходной ступени?—2., Здѣсь Васманъ переходитъ къ *палеонтологическимъ* доказательствамъ животнаго происхожденія челоуѣка; они сводятся къ нѣсколькимъ, найденнымъ при раскопкахъ, черепамъ, челюстямъ и другимъ костямъ, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, принадлежатъ особой, теперь уже вымершей, породѣ живыхъ существъ, составляющей естественный переходъ отъ обезьяны къ челоуѣку. Въ 1893 году голландскій врачъ Дюбуа (Eugen Dubois) нашелъ на островѣ Явъ въ высохшемъ руслѣ рѣки, на разстояніи нѣсколькихъ метровъ другъ отъ друга: верхнюю часть черепа, бедренную кость и два коренныхъ зуба; по его мнѣнію, всѣ эти части принадлежали одному и тому же индивидууму, который былъ не челоуѣкъ и не обезьяна, а нѣчто среднее между ними (Pithecanthropus) ¹⁾. Находка

¹⁾ Когда Васманъ читалъ свой рефератъ, онъ, къ сожалѣнію, не могъ еще знать послѣднихъ изслѣдованій проф. Фольца, *иначе*, онъ болѣе рѣшительно высказался бы противъ Pithecanthropus'a. Въ 1908 г. Берлинскій проф. Фольцъ (Vollz) тщательнo изслѣдовалъ мѣстность на островѣ

эта вызвала, конечно, сенсацию; но болѣе серьезные ученые уже тогда отнеслись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ выводамъ Дюбуа. Въ 1895 г. на зоологическомъ конгрессѣ въ Лейденѣ Дюбуа въ своемъ докладѣ старался доказать, что этотъ *Pithecanthropus* и есть именно давно съ нетерпѣніемъ отыскиваемое *missing link* (недостающее звено) между человѣкомъ и обезьяной. Знаменитый Вирховъ, предѣлательствовавшій на этомъ конгрессѣ, поблагодарилъ оратора по окончаніи доклада, но прибавилъ, что прежде чѣмъ дѣлать какіе-либо рѣшительные выводы относительно найденныхъ на островѣ Явъ костей, лучше подождать, пока найдутъ цѣлый скелетъ (!); пожеланіе это, конечно, до сихъ поръ не сбылось. Большинство авторитетовъ въ настоящее время (Kollmann, Kramberger, Schwalbe) склоняются къ тому, что *Pithecanthropus* есть настоящая обезьяна изъ породы *Hulobates*, которая по нѣкоторымъ свойствамъ приближается къ человѣку, по другимъ, напротивъ, къ низшимъ породамъ обезьянъ.—Въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія въ Неандертальской долинѣ, близъ Дюссельдорфа (Германія) найденъ былъ черепъ, своими особенностями обратившій на себя общее вниманіе; многіе антропологи изслѣдовали его и пришли къ разнообразнымъ выводамъ: одинъ даже высказалъ предположеніе, что обладатель сего черепа былъ монгольскій казакъ (?). Въ 1901 г. Швальбе доказывалъ, что Неандертальскій человѣкъ (*Neandertalmensch*) есть переходная ступень между человѣкомъ и обезьяной, но уже черезъ три года отказался отъ этого мнѣнія и утверждалъ, что это лишь представитель какой-то древней звѣроподобной человѣческой расы, *homo primigenius*. Въ 1905 году Крамбергеръ изслѣдовалъ и сравнилъ массу череповъ и, между прочимъ, и тѣ, которые въ этомъ году были найдены въ Кроацин, и пришелъ къ тому заключенію, что между *homo primigenius* и современнымъ человѣкомъ, *homo sapiens*.

Явъ, гдѣ былъ Дюбуа, и доказалъ, что почва, въ которой найдены кости, вулканическаго происхожденія и принадлежитъ не третичной эпохѣ, когда, по геологамъ, еще не было человѣка, а дилювіуму, новѣйшей эпохѣ; слѣдовательно, человѣкъ и таинственное существо на островѣ Явъ жили одновременно, и потому послѣднее не можетъ быть предкомъ перваго *Pithecanthropus* профессора Дюбуа—просто человѣкоподобная обезьяна. Ср. Ev. Kirchl. Anzeiger, Berlin, 1908. № 15. S. 167.

существуетъ непрерывная цѣпь; отсюда Васманъ выводитъ, что Неандертальскій человѣкъ есть ничто иное, какъ представитель низшей, малоразвитой человѣческой расы, стародиллювіальной эпохи, т. е. *homo sapiens primigenius*, а не особая порода, не обезьяно-человѣкъ, какъ думаютъ монисты; за нимъ слѣдуетъ *homo sapiens fossilis*, ископаемый человѣкъ ново-диллювіальной эпохи, и, наконецъ, современный человѣкъ. Всѣ серьезные ученые крайне осторожно относятся къ вопросу о происхожденіи человѣка, такъ какъ точныхъ данныхъ для того или иного рѣшенія нѣтъ. Проф. Бранко (Branco), напр., говоритъ: „въ дѣйствительности намъ вовсе неизвѣстны предки человѣка; всѣ ископаемые люди—такіе же люди, какъ и мы сами“. И только Геккель, ничтоже сумняся, составилъ цѣлое родословное дерево человѣка: 1) *Archiprimas*, *Pachylemures*, *Necrolemures*, отъ послѣднихъ происходятъ обезьяны, изъ которыхъ какого-то *Archipithecus*'а Геккель заставляеть быть прародителемъ человѣка: отъ этого *Archipithecus*'а происходитъ первобытный гиббонъ—*Protylobates*, а отъ него—*Pithecanthropus allalus*, неговорящій первобытный обезьяно-человѣкъ, затѣмъ *homo stupidus*, глупый человѣкъ, и, наконецъ, *homo sapiens*, современный умный человѣкъ. Всѣ эти промежуточные ступени или покоятся на очень шаткихъ данныхъ, или просто выдуманы; правда, *homo stupidus* и *homo sapiens*, прибавляетъ не безъ ироніи Васманъ, существуютъ въ дѣйствительности, но едвали кто признаеть перваго предкомъ послѣдняго.

Четвертый вечеръ, какъ мы уже сказали, былъ посвященъ отвѣтамъ ученыхъ на рефератъ Васмана. Такъ какъ пожелали говорить цѣлыхъ десять человѣкъ, да еще Васману нужно было отвѣтить на возраженія, то по необходимости пришлось сократить срокъ рѣчей: Пляте, какъ главному оппоненту, дали полчаса, Фриденталю и Гёнсбрѣху—по двадцати минутъ, остальнымъ—по десяти минутъ. Въ такой короткій срокъ, конечно, трудно было подвергнуть основательной критикѣ весь рефератъ Васмана, и потому ораторы, кромѣ Пляте, подѣлили между собой его отдѣльныя мысли.

1) Судя по газетамъ, Геккель основалъ въ Іенѣ пѣлый филогенетическій музей, гдѣ въ строгомъ порядкѣ и послѣдовательности фигурируютъ предъ зрителемъ всѣ предки человѣка и, наконецъ, самъ *homo sapiens*.

смотря по спеціальности каждаго.—Первымъ выступилъ проф. Пляте. Въ своей рѣчи онъ прежде всего старался доказать непостоятельность іезуита, его двойственную натуру: когда онъ касается научныхъ пунктовъ, болѣе или менѣе индифферентныхъ съ точки зрѣнія религіи и церкви, онъ разсуждаетъ, какъ безпристрастный ученый; но какъ только дѣло доходитъ до пункта, въ которомъ наука и религія расходятся, онъ, будто-бы, сразу же сбрасываетъ съ себя тогу ученаго и превращается въ католическаго священника. Изъ поднятыхъ Васманомъ вопросовъ Пляте останавливается главнымъ образомъ на пяти: о происхожденіи матеріи, о происхожденіи живыхъ существъ, о происхожденіи видовъ, о цѣлесообразности въ природѣ и о различіи между теистическимъ и монистическимъ міровоззрѣніями. причемъ выставяетъ противъ Васмана старыя, избитые аргументы монизма: 1) Матерія существуетъ: изъ ничего ничего не бываетъ; слѣдовательно, матерія вѣчна; теорія творенія матеріи ничего не объясняетъ, а лишь къ одному вопросительному знаку прибавляетъ другой. 2) Монизмъ производитъ жизнь отъ неограниченной матеріи; это, конечно, лишь гипотеза,—по крайней мѣрѣ, пока, при настоящемъ состояніи науки, но гипотеза, за вѣроятность которой говорятъ важныя факты: а) въ природѣ наблюдается непрерывное превращеніе одной формы энергіи въ другую, свѣта въ тепло, тепла въ движеніе и т. д.; почему же нельзя предположить, что, разъ тѣло по смерти превращается въ землю, то и земля, при нѣкоторыхъ, для насъ еще неизвѣстныхъ условіяхъ, можетъ естественнымъ же путемъ превращаться въ тѣло? Это могло произойти въ глубокой древности, когда на землѣ были иныя условія, но можетъ происходить и теперь въ мѣстахъ, недоступныхъ научному изслѣдованію, напр., въ нѣдрахъ земли ¹⁾. б) Протоплазма, эта основа всякаго живого существа, состоитъ, какъ извѣстно, изъ 12 элементовъ, бѣлокъ—изъ пяти элементовъ, и такъ какъ эти элементы легко могутъ быть добыты, то составленіе изъ нихъ протоплазмы и бѣлка естественнымъ путемъ—лишь

1) Странно слышать подобную туманную аргументацію изъ устъ монистовъ, которые обычно требуютъ отъ своихъ противниковъ самыхъ ясныхъ доказательствъ, основанныхъ на точномъ, самоочевидномъ научномъ опытѣ.

вопросъ времени. в) Въ природѣ мы уже имѣемъ нѣчто, составляющее какъ разъ переходную ступень между мертвой и живой матеріей, —это кристаллы и въ особенности „жидкіе кристаллы“; принадлежа собственно къ мертвой матеріи, они въ то же время обладаютъ нѣкоторыми свойствами низшихъ живыхъ существъ: двигаются, растутъ, поглощаютъ другъ друга и т. д.; имъ недостаетъ только способности ощущенія и ассимиляціи, чтобы быть настоящими организмами. 3) Въ принципѣ Васманъ признаетъ теорію развитія и теорію происхожденія видовъ, но на дѣлѣ онъ совершенно искажаетъ эти теоріи, допуская почему-то для нѣкоторыхъ формъ актъ творенія; твореніе и развитіе, по мнѣнію Пляте, исключаютъ одно другое. 4) Васманъ признаетъ и естественный подборъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и присущую самимъ организмамъ внутреннюю цѣлесообразность; и эти два фактора Пляте считаетъ совершенно несовмѣстимыми. 5) Установленное Васманомъ различіе между теистическимъ и монистическимъ міровоззрѣніями въ общемъ признаетъ и Пляте, но отдастъ предпочтеніе, конечно, послѣднему и, между прочимъ, на двухъ основаніяхъ, о которыхъ не упомянулъ Васманъ: а) монистъ признаетъ законы природы, т. е. то, что онъ самъ можетъ наблюдать и понимать; законы природы предполагаютъ существованіе единого законодателя, котораго Пляте понимаетъ въ пантеистическомъ смыслѣ: теистъ же вѣритъ въ трехъ боговъ (?), въ демоновъ и ангеловъ, которыхъ, природа не знаетъ; б) монистъ признаетъ непрерывное дѣйствіе законовъ природы; теистъ допускаетъ перерывъ ихъ дѣятельности, въ видѣ чуда, т. е. произвольнаго, сверхъестественнаго вмѣшательства божества въ жизнь міра, которое нигдѣ и никогда не наблюдалось ни однимъ естественнымъ опытнымъ.

Что касается остальныхъ оппонентовъ, то о нихъ достаточно сказать лишь нѣсколько словъ. Бѣльше говорилъ о связи души съ тѣломъ и о родствѣ души человѣческой съ душою животныхъ. Даль старался ослабить доказательства Васмана относительно различія человѣка отъ животныхъ, доказывая возможность происхожденія организмовъ изъ матеріи и невѣроятность троекратнаго вмѣшательства божества въ жизнь міра, —при твореніи міра, живыхъ существъ и человѣка. Фриденваль протестовалъ противъ утвержденія,

будто онъ измѣнилъ своимъ прежнимъ взглядамъ на родство человѣка съ обезьяной по химическимъ и физиологическимъ свойствамъ крови; онъ не измѣнилъ своимъ взглядамъ, а только развилъ ихъ. Патологъ Ганземанъ ¹⁾ вооружался главнымъ образомъ противъ признанія внутренней цѣлесообразности организма,—которая, будто бы, достаточно опровергается уже многочисленными болѣзнями тѣла,—а также противъ объясненія отростка слѣпой кишки условіями культуры: число заболѣваній этою болѣзью у некультурныхъ народовъ трудно узнать, такъ какъ у нихъ нѣтъ правильной статистики. Графъ Генсбрехъ, бывший іезуитъ, перешедшій въ протестантство, говорилъ о строгости католической цензуры и дисциплины, не позволившей, будто бы, Васману свободно выражать свои мысли, объ индексѣ запрещенныхъ книгъ, о Ватиканскомъ соборѣ и пр., и ни слова на тему реферата. Врачъ—психіатръ Юліусбургеръ доказывалъ материалистическій взглядъ на душу, какъ на функцію мозга. Антропологъ Плетцъ возражалъ Васману по вопросу о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; онъ указалъ на пять череповъ,—англичанина, австралійца, Неандертальскаго человѣка, *Pithecanthropus*'а и шимпанзе, сравнилъ ихъ профили и объемъ и пришелъ къ заключенію, что они представляютъ собою звенья непрерывной цѣпи и что, слѣдовательно, *Pithecanthropus* и Неандертальскій человѣкъ суть переходныя ступени между обезьяной и человѣкомъ. Шмидтъ, какъ бывший ассистентъ Геккеля, взялъ своего учителя подъ свою защиту противъ нападокъ Васмана по вопросу объ отношеніи Геккеля къ дарвинизму, о родословномъ деревѣ человѣка, о біогенетическомъ основномъ законѣ. Тезингъ поддержалъ Васмана въ вопросѣ объ естественномъ подборѣ и о полифилетическомъ (т. е. отъ нѣсколькихъ формъ) развитіи организмовъ, но возражалъ ему по вопросу о твореніи матеріи и о происхожденіи жизни.

Въ заключительномъ словѣ Васманъ подчеркнул, что во многомъ его неправильно поняли,—что онъ объяснилъ не-

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить симпатичное признакіе этого ученаго, что религія необходима для тѣхъ, кто чувствуетъ потребность въ ней, и что Геккель нехорошо поступаетъ, отнимая у нихъ религію,—тѣмъ болѣе, что наука, которую онъ предлагаетъ имъ замѣнить религіи, въ дѣйствительности никогда не въ состояніи замѣнить ея.

достаточной философской подготовкой оппонентов,—выразилъ радость по поводу того, что главный оппонентъ его, Пляте, призналъ идею личного Бога (?), и въ концѣ концовъ защищался противъ нѣкоторыхъ упрековъ Генсбреха и Шмидта...

7. Профессоръ Рейнке противъ монизма.

Диспутъ Васмана открылъ собою цѣлый рядъ выступленийъ противъ Союза монистовъ: едвали не во всѣхъ городахъ Германіи устраивались собранія, организовались научныя состязанія, читались рефераты, лекціи, бесѣды въ школахъ; проповѣди въ церквахъ и пр.: раскрывались ошибки, крайности и вредъ геккеліанства и отстанвалось христіанское міровоззрѣніе. Говорили учителя, доктора, пасторы, публицисты и пр., но преимущественнымъ вниманіемъ пользовались, конечно, профессоры—спеціалисты, особенно—обладающие извѣстнымъ именемъ ¹⁾. Мы остановимся на дѣятельности проф. Рейнке, какъ наиболѣе энергичнаго борца противъ монизма. Рейнке—профессоръ—биологъ въ Киль. Подобно Васману, онъ признаетъ теорію развитія, но крайнихъ выводовъ Геккеля не раздѣляетъ и, считая монизмъ не только ложнымъ, но и вреднымъ, ведетъ упорную борьбу съ нимъ и перомъ, и живымъ словомъ. 10 мая 1907 года онъ выступилъ противъ союза монистовъ въ Прусской палатѣ господъ (Herrenhaus) съ рѣзкой обличительной рѣчью, въ которой высказалъ приблизительно слѣдующее. Союзъ монистовъ такъ же разрушительно дѣйствуетъ на умственную жизнь народа, какъ социаль-демократія на экономическую. Особенно вредно враждебное отношеніе монизма къ христіанству и

¹⁾ Въ Берлинѣ большой успѣхъ имѣлъ рефератъ извѣстнаго профессора-философа Ляссона (Lasson) противъ монизма, прочитанный имъ 13 Января 1908 г. на тему: „Научная несостоятельность воззрѣній Союза монистовъ (Die wissenschaftliche Haltlosigkeit der Anschauungen des Monistenbundes). Въ этомъ рефератѣ Ляссонъ упрекаетъ монистовъ, главнымъ образомъ, въ преувеличенномъ отношеніи къ природѣ, которую они считаютъ единственнымъ источникомъ знанія, игнорируя духовную жизнь человѣка. Оригинально, что 43 года тому назадъ Ляссонъ,—въ то время неизвѣстный молодой учитель гимназій и убѣжденный гегеліанецъ,—выступалъ въ Берлинѣ противъ люднаго въ то время матеріализма, изъ котораго и выродился современный монизмъ. См. Evang. Kirchl. Anzeiger, 1908, № 3, S. 29.

христіанскому міровоззрѣнію, которое по § 14 Прусской конституціи является основой всей государственной жизни. (Свои мысли Рейнке иллюстрируетъ многочисленными выдержками изъ сочиненій Геккеля и изъ воззваній Союза монистовъ). Если иной философъ, продолжаетъ Рейнке, въ своемъ кабинетѣ вырабатываетъ теоріи, можетъ быть, еще болѣе разрушительныя, то государству отъ этого мало вреда, но если толпа фанатиковъ подхватываетъ эту теорію и начинаетъ пропагандировать ее всѣми средствами, то государство должно принять противъ этого свои мѣры. Правда, § 20 той же конституціи обезпечиваетъ свободу науки, но только истинной науки, а не такого ученія, которое искажаетъ истинную науку. Далѣе, Рейнке вооружается противъ самого Геккеля и въ особенности противъ его „Міровыхъ Загадокъ“, о которыхъ извѣстный Паульсенъ, напр., сказалъ, что онъ прочиталъ эту книгу съ чувствомъ стыда (mit brennender Scham). Геккеля нельзя причислять къ серьезнымъ естествоиспытателямъ,—онъ только фанатикъ, а монизмъ его—возвратъ къ варварству. И тѣмъ не менѣе опасность отъ его ученія велика: „Міровыя загадки“ читаются гимназистами и гимназистками, школьными учителями и учительницами,... людьми, не могущими критически отнестись къ выводамъ Геккеля. Много вреда причиняютъ и бродячіе апостолы Союза монистовъ. О мѣрахъ насилія противъ Союза, конечно, не можетъ быть и рѣчи; но, сложа руки, сидѣть также нельзя. Лучшимъ средствомъ противъ дѣятельности Союза является улучшение и углубленіе преподаванія естественныхъ наукъ въ школахъ, чтобы молодежь не поддавалась вполнѣ безпомощно вліянію атеизма. Школа должна вырабатывать здоровое міровоззрѣніе, которое способно было бы противостоять дурнымъ вліяніямъ матеріалистическихъ системъ ¹⁾...

Рѣчь Рейнке встрѣтила общее сочувствіе среди членовъ палаты господъ и, вѣроятно, не осталась безъ слѣда при реформѣ прусской школы.—Чтобы ознакомить со своими взглядами болѣе широкіе круги общества, Рейнке предпринялъ поѣздку по большимъ городамъ Германіи и всюду читалъ рефераты противъ монизма. Въ Берлинѣ, напр., онъ

¹⁾ См. Evang. Kirchl. Anzeiger, Berlin, 1907. № 21, S. 217.

прочиталъ въ мартѣ 1908 года, въ присутствіи императора Вильгельма, императрицы, членовъ императорскаго дома, профессоровъ, духовенства и пр. высшаго общества, три реферата на слѣдующія темы: 1) „Живое и мертвое“ (Das Lebende und das Leblose), 2) „Положеніе человѣка въ природѣ“ (Die Stellung des Menschen in der Natur) и 3) „Борьба міровоззрѣній“ (Der Kampf der Weltanschauungen). Вотъ главныя мысли, высказанныя въ этихъ рефератахъ:

1) Нѣкоторые биологи изъ лагеря монистовъ стараются сгладить противоположность между живымъ и безжизненнымъ, утверждая, будто существуютъ только физико-химическіе процессы, и будто жизнь есть лишь проявленіе этихъ процессовъ. Но если мы обратимъ вниманіе на мышленіе, чувство, желанія человѣка, то мы увидимъ, какая существенная противоположность между живымъ и безжизненнымъ. Если монизмъ старается сохранить принципъ единства, приписывая и камнямъ, и ихъ атомамъ чувства и желанія, то это всецѣло противорѣчитъ научному изслѣдованію. Уже Кантъ называлъ такое ученіе (Hilozoismus) „смертью всей натуръ-философій“. Но и жизнь низшихъ животныхъ и растеній совершенно отлична отъ существованія мертвой матеріи; достаточно сравнить живую лошадь съ мертвой лошадью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ дѣйствующей машиной. Противоположность слишкомъ ясна. Если машина, по причинѣ порчи какой-либо части, не идетъ, то ее можно исправить; мертвую же лошадь нельзя оживить. Немыслимо также изобрѣсть такую машину, которая бы размножалась или выростала постепенно. Уже въ самомъ простѣйшемъ организмѣ живущей клѣточки замѣчаются многочисленныя химическіе процессы, совершающіеся подъ вліяніемъ какой-то собственной регулирующей силы, какой не можетъ дать никакая химическая фабрика или лабораторія. Образованіе организма совсѣмъ иное, чѣмъ образованіе, напр., кристалла, гдѣ частицы примыкаютъ одна къ другой, но видъ остается тотъ же, тогда какъ рыба, птица, четвероногое при своемъ ростѣ многократно видоизмѣняются. Наслѣдственность, играющая важную роль при этомъ, не имѣетъ ничего соответствующаго въ неорганизмахъ. Никто еще искусственно не создалъ живой клѣточки или протоплазмы; только еслибы это было возможно, можно было бы говорить о тождествѣ живого и

безжизненнаго. Всѣ живыя существа родятся отъ живыхъ же существъ и потому мы не можемъ себѣ представить происхожденія клѣточки изъ неорганизма ¹⁾...

2) Наука, поскольку она опирается на опытъ, не знаетъ предковъ человѣка; только смѣлая фантазія создала ихъ. Изъ третичнаго періода неизвѣстно остатковъ человѣка; если осколки кремневые, находимые въ этомъ періодѣ, принимаютъ за слѣды человѣка, то это не достовѣрно. Въ началѣ диллювіума, въ ледяной періодѣ, неожиданно появляется человѣкъ на нашей планетѣ. Можно даже отличать человѣческія расы древняго, средняго и новаго диллювіума. Черепа перваго (Neandertal, Кларіна) отличаются несовершенствомъ, черепа средняго (Crô-Magnon) мало уступаютъ черепу современнаго европейца. Съ тѣхъ поръ человѣкъ, повидимому, не измѣнился внѣшнимъ образомъ. Еслибы человѣкъ произошелъ отъ животнаго, то именно въ третичный періодъ; однако естествоиспытатель ничего не знаетъ объ этомъ. Особенно невѣроятно, что Pithecanthropus признается предкомъ человѣка; къ тому же его скудные остатки, повидимому, принадлежатъ диллювіальному періоду (по новѣйшимъ изслѣдованіямъ), т. е. онъ жилъ одновременно съ человѣкомъ. Если желаютъ установить происхожденіе человѣка отъ млекопитающихъ, то слѣдуетъ обращать вниманіе не только на черепъ, но, напр., и на строеніе ноги; такъ какъ нога человѣка приспособлена для хожденія, а нога обезьяны для лазанія, то уже вѣроятнѣе предположить, что человѣкъ и обезьяна произошли отъ одного родоначальника. Сравнивая человѣка и животное по духовнымъ особенностямъ, мы видимъ между ними существенное различіе: человѣкъ способенъ къ культурѣ, животное — только къ дрессировкѣ. Уже въ диллювіумѣ былъ культурный человѣкъ, такъ какъ многочисленное оружіе и всякаго рода утварь, а равно рисунки на стѣнахъ пещеръ, гравировка и издѣлія изъ рога показываютъ, что человѣкъ того времени уже обладалъ нѣкоторыми примитивными познаніями по части ремесла и искусства. Отсюда мы можемъ заключить, что способности у диллювіальнаго человѣка были такія же, какъ и у насъ, только культурныя условія были ниже. Нашъ

1) Evang. Kirchl. Anzeiger, Berlin, 1908, № 10, S. 109.

разсуждающій и доступный искусству умъ и языкъ отдѣляютъ насъ совершенно отъ животныхъ. Эта пропасть такъ же непереходима, какъ между животнымъ и камнемъ. Вообще, добросовѣстный и серьезный естествоиспытатель нашихъ дней долженъ сказать, что онъ ничего не знаетъ о происхожденіи человѣка... ¹⁾

3) Отмѣтивъ, что борьба міровоззрѣній въ наше время сводится къ борьбѣ между идеализмомъ и матеріализмомъ, Рейнке ставитъ три вопроса: а) достаточно ли естествознанія для выработки міровоззрѣнія, б) существуетъ ли враждебное отношеніе между религіей и естествознаніемъ и в) дѣйствительно ли несовмѣстимы съ выводами естествознанія нравственныя основы христіанскаго міровоззрѣнія? Подвергнувъ эти три вопроса подробному обсужденію, онъ все три рѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ: а) естествознаніе есть лишь одинъ изъ факторовъ для выработки міровоззрѣнія: начало вселенной, происхожденіе организмовъ и появленіе человѣка,—вотъ три этапа которые, необходимы для міровоззрѣнія, но которыхъ не можетъ дать естествознаніе; б) если религія и естествознаніе будутъ строго разграничивать свои задачи и область дѣятельности, то никогда не будетъ и конфликта между ними; если въ настоящее время люди науки разрушаютъ вѣру народа, смѣются надъ тѣмъ, что для него священно, то это такъ же достойно порицанія, какъ преслѣдованіе инквизиціей натуралистовъ; доказательствомъ совмѣстимости религій и естествознанія служитъ то, что величайшіе натуралисты, Коперникъ, Кеплеръ, Ньютонъ, Либихъ и мн. др., были вѣрующіе, религіозно-настроенные люди; в) рѣшая отрицательно третій вопросъ, Рейнке повторяетъ доводы Канта... ²⁾

¹⁾ Evang. Kirchl. Anzeiger, Berlin, 1908, № 13, S. 138.

²⁾ Evang. Kirchl. Anzeiger, Berlin 1908, № 14, S. 153.

Въ Висбаденѣ въ октябрѣ 1907 года Рейнке также прочиталъ три реферата на общую тему „Геккель и современное естествознаніе“, причемъ, жестоко нападалъ на основателя монизма. Въ защиту Геккеля выступилъ мѣстный ферейнъ свободомыслящихъ (Freidenkerverein); онъ организовалъ ученое состязаніе, пригласивъ либеральныхъ протестантскихъ пасторовъ. Къ сожалѣнію, состязаніе это не удержалось на уровнѣ спокойнаго обсужденія вопроса и закончилось скандаломъ. Когда одинъ изъ пасторовъ выступилъ съ рѣчью противъ Геккеля, то оппонентъ мовистъ, чтобы уязвить представителей протестанства, нарочно перевелъ бесѣду

8. Кеплеровскій союзъ (Keplerbund).

Рефераты Васмана, Ляссона, Рейнке, пастора Либера, проф. Фрезеніуса и мн. др., а равно и многочисленныя ученыя и популярныя сочиненія противъ монизма представляютъ собою лишь разрозненныя попытки отдѣльныхъ лицъ бороться съ крайними идеями Геккеля; не связанныя между собою никакимъ планомъ и доступныя лишь небольшой части общества, онѣ, естественно, не могли нанести серьезнаго удара дѣятельности Союза монистовъ; для этого нужно было создать подобную же организацію, которая могла бы вести планомѣрную борьбу равнымъ оружіемъ и съ равными силами. Такая организація,—такъ называемая „Кеплеровскій союзъ“,—и была создана во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1907 году, т. е. годъ спустя послѣ основанія Союза монистовъ, когда вредная дѣятельность послѣдняго выяснилась съ достаточною очевидностью. Инициаторомъ К. союза былъ проф. Деннертъ (Dennert) изъ Годесберга; сотрудниками его—совѣтникъ консисторіи Маллингъ (Mahling) и представители Внутренней миссіи во Франкфуртѣ, въ особенности пасторъ Тейдтъ (Teudt). Ко дню основанія—25 ноября 1907 г.—уже набралось 641 членовъ: воззваніе подписано 214 членами, изъ которыхъ немало выдающихся богослововъ, естествоиспытателей, врачей, юристовъ и пр.; изъ богослововъ либеральнаго направленія выдѣляются Каттенбушъ (Kattenbusch), Лоофсъ (Loofs) и Раде (Rade). Поводъ къ основанію К. союза выясненъ въ рѣчи Деннерта на первомъ собраніи¹⁾. „Для всякаго внимательнаго наблюдателя ясно“, говорилъ онъ: „что народъ нашъ находится въ опасности, благодаря матеріалистической и атеистической пропагандѣ, идущей

на тему о чудесахъ и попросилъ пастора доказать фактъ вознесенія Іисуса Христа; либеральный пасторъ, отрицающій вознесеніе, отвѣтилъ, что такого факта и не было. Тогда въ публикѣ, болѣе симпатизирующей монистамъ, поднялся шумъ, пасторовъ стали громко обвинять въ томъ, что они проповѣдуютъ „мораль съ двойнымъ дномъ“, что они съ церковной кафедры говорятъ совсѣмъ не то, что въ народномъ собраніи; и когда обиженные пасторы удалились изъ залы, то вслѣдъ имъ посыпались оскорбительныя насмѣшки. (Wiesbadener Blatt, 1907, 49.).

¹⁾ Evangel. Kirchl. Anzeiger, Berlin, 1907, № 49, S. 540, а также въ особой брошюрѣ: Prof. Dennert, Die Naturwissenschaft und der Kampf um die Weltanschauung. Ein Wort zur Begründung des Keplerbundes, Hamburg, 1907.

подъ флагомъ науки. „Міровыя загадки“ читаются не только десятками тысячъ нѣмецкихъ рабочихъ, студентовъ, семинаристовъ и гимназистовъ, но и преподносятся въ видѣ подарка двѣнадцатилѣтнимъ дѣвочкамъ. Желаніе дать отпоръ этой пропагандѣ создало Кеплеровскій союзъ... Уже въ 1906 г. образовалась группа людей науки, рѣшившихъ защищать народъ отъ слишкомъ смѣлыхъ выводовъ Геккеля и его единомышленниковъ, доказать, что современное естествознаніе не въ состояніи поколебать теистическаго міровоззрѣнія, что теизмъ можетъ по крайней мѣрѣ, съ такимъ же правомъ опираться на естественныя науки, какъ и Геккелевскій монизмъ; и даже теизмъ, съ точки зрѣнія науки, вѣроятнѣе монизма, такъ какъ замѣчаемая нами цѣлесообразность въ мірѣ живыхъ существъ и гармонія вселенной приводятъ насъ къ вѣрѣ въ Бога, если мы не пожелаемъ допустить слѣпота случая. Но слѣдуетъ не только защищать христіанство противъ монизма,—который, можно надѣяться, скоро будетъ побѣжденъ,—но и научить народъ правильному и глубокому пониманію истинъ естествознанія“... Другой ораторъ, Сексауеръ (Sexauer), нападалъ на монистовъ за то, что они научныя догадки выдаютъ за положительную истину; гипотезы нужны въ наукѣ, но онѣ должны быть оцѣниваемы по достоинству: большое заблужденіе—проповѣдывать ихъ въ народѣ въ качествѣ позитивной науки и строить на нихъ новое міровоззрѣніе; большое заблужденіе—проповѣдывать, что вѣра несогласна съ выводами современной науки и потому не имѣетъ правъ на существованіе; доказать, что такого рода проповѣдь переступаетъ границы истинной науки,—задача Кеплеровскаго союза“...—Въ воззваніи союза говорится, между прочимъ: „То, что изслѣдователями найдено, благодаря упорной работѣ, должно быть людьми науки устно и письменно передаваемо въ общепонятной, ясной формѣ и дѣлаться общимъ достояніемъ. Кеплеровскій союзъ стоитъ на почвѣ свободы науки и стремится единственно къ изученію истины и служебнью ей...; онъ надѣется, что естествознаніе, сознающее свои границы и ищущее только истины, будетъ само собою апологіей христіанства, такъ какъ истина заключаетъ въ себѣ гармоничное соединеніе естественно-научныхъ фактовъ съ философскимъ познаніемъ и религіознымъ опытомъ“... Далѣе

объясняется, почему именно союзъ названъ по имени знаменитаго астронома 17 вѣка: „Въ лицѣ Кеплера, имя котораго носитъ союзъ, онъ видитъ соединеніе истиннаго естествознанія съ глубокой религіозностью; именно въ этомъ смыслѣ союзъ стремится къ распространенію въ народѣ естественно-научныхъ познаній“... Воззваніе перепечатано въ 1700 газетахъ и распространено въ 185,000 экземпляровъ.— Черезъ годъ, какъ видно изъ отчета ¹⁾, Кеплеровскій союзъ имѣлъ уже 3700 членовъ, изъ нихъ около 400—ученые естествоиспытатели и врачи. Открыто 18 отдѣленій союза въ разныхъ городахъ. Читались рефераты, печатались и распространялись летучіе листки, брошюры, газетныя замѣтки и статьи. Явилась потребность въ особомъ изданіи для народа—*Naturstudien für Jederman*. (Очерки природовѣдѣнія для всѣхъ). Съ января 1909 г. издается ежемѣсячный журналъ „*Unsere Welt*“ („Нашъ міръ“); за нимъ вскорѣ послѣдоваль еженедѣльный популярный журналъ (въ мѣсяць—10 пфен. = 5 коп. („*Für Naturfreunde*“ („Для любителей природы“) и особое періодическое изданіе „*Naturwissenschaftliche Zeitfragen*“ („Естественнонаучныя злобы дня“), появляющееся отдѣльными выпусками, а также спеціальная критика монистическихъ произведеній подъ заглавіемъ: „*Allerbei Missbrauch der Naturwissenschaften*“ („Разныя злоупотребленія естественными науками“). Въ маѣ 1909 г. опубликованъ конкурсъ сочиненій на тему: „*Die ältesten Funde von Lebewesen sollen nach ihrer Bedeutung für die Enwickelungslehre neu untersucht und allgemein verständlich dargestellt werden*“. („Вновь изслѣдовать и изложить въ общепонятной формѣ древнѣйшіе слѣды живыхъ существъ и ихъ значеніе для теоріи развитія“). За лучшее сочиненіе назначена премія въ 1000 марокъ (463 рубля). Кромѣ того организуются естественно-научные курсы для ознакомленія, главнымъ образомъ, учителей съ тою или другою отраслью естествознанія. На первыхъ курсахъ въ сентябрѣ 1909 г., въ Годесбергѣ было 150 слушателей, изъ нихъ 132 народныхъ учителя. Обыкновенно утромъ читаются лекціи, въ послѣобѣденное время организуются экскурсіи въ окрестности, причемъ специалисты,—геологъ, зоологъ, ботаникъ, біологъ и пр.— знакомятъ участниковъ непосред-

¹⁾ *Evangel. Kirchl. Anzeiger*, Berlin, 1909, № 21.

ственно съ окружающей природой, а вечеромъ бываютъ такъ называемыя „свободныя собесѣдованія“.

Уже по этому краткому перечню трудовъ Кеплеровскаго союза видно, что онъ выработалъ широкой планъ борьбы съ монизмомъ и энергично принялся за осуществленіе этого плана. О результатахъ теперь, конечно, еще слишкомъ рано говорить; но, если судить по тому нервному, озлобленному тону, какой принимаютъ всегда статьи и рѣчи монистовъ, когда они упоминаютъ о Кеплеровскомъ союзѣ, то очевидно, что они видятъ въ немъ опаснаго врага. Интересно первое серьезное столкновеніе между союзомъ и монистами по дѣлу Брасса (Brass). Анатомъ Брассъ, одинъ изъ ревностныхъ членовъ К. союза, издалъ въ 1908 году брошюру подъ заглавіемъ: „Affenproblem“, въ которой обвиняетъ Геккеля въ искаженіи рисунковъ эмбрионовъ (и скелетовъ) и притомъ въ искаженіи намѣренномъ, т. е. въ поддѣлкѣ, съ цѣлью сгладить различіе между эмбриономъ человѣка и эмбрионами животныхъ, въ частности обезьяны, и тѣмъ оправдать свою теорію о происхожденіи человѣка. Въ подтвержденіе своихъ словъ Брассъ воспроизводитъ и самые рисунки Геккеля и сравниваетъ ихъ съ рисунками эмбриологовъ—специалистовъ; оказывается, дѣйствительно, что у Геккеля допущены нѣкоторыя измѣненія и въ нихъ можно усмотрѣть извѣстную тенденцію: то человѣкъ представленъ въ слишкомъ наклонномъ положеніи, то у обезьяны недостаетъ хвоста, то оказывается лишнее ребро и т. д. Столь тяжкое обвиненіе извѣстнаго ученаго вызвало, конечно, большой переполохъ въ ученомъ мѣрѣ Германіи; объ немъ заговорили газеты, и Геккелю пришлось *volens—noles* оправдываться. „Чтобы положить конецъ дикому спору“, пишетъ онъ ¹⁾: „я начну съ признанія, что малая часть моихъ рисунковъ эмбрионовъ (можетъ быть, шесть или восемь изъ ста), дѣйствительно,—согласно Брассу,—„поддѣланы“,—именно всѣ тѣ, въ отношеніи которыхъ имѣющійся матеріалъ настолько неполонъ или недостаточенъ, что для возстановленія цѣлой цѣпи развитія приходится (*man wird gezwungen*) пробѣлы заполнять гипотезами, и путемъ сравнительнаго синтеза возстановлять недостающіе члены. Только эмбриологъ—специалистъ можетъ

¹⁾ Berliner Volkszeitung отъ 29 дек. 1908 г. ср. Reformation, 1909, № 2

судить о томъ, какія трудности представляетъ эта задача и какъ легко ошибиться рисовальщику. Проф. Тартюфъ (такъ Геккель называетъ въ насмѣшку Брасса), поэтому, совершенно справедливо повидимому, требуетъ: „теперь прежде всего должны высказаться по этому поводу нѣмецкіе эмбриологи, а затѣмъ пусть Геккель подробно и точно изложитъ, какъ получились рисунки, гдѣ находятся препараты—оригиналы и пр.: всякій другой отвѣтъ Геккеля, даже судебное разбирательство, будетъ непонятно нѣмецкому народу“. Замѣчательная идея! Нѣмецкій народъ или даже избранная коллегія остроумныхъ юристовъ—въ роли судей о рисункахъ эмбрионовъ, для пониманія и оцѣнки которыхъ необходимо многолѣтнее нелегкое изученіе анатоміи и эмбриологии! И кто знаетъ нашихъ „нѣмецкихъ эмбриологовъ“ съ ихъ далеко неодинаковыми задачами и методами, съ ихъ противорѣчающими взглядами и сужденіями, тотъ не можетъ ожидать отъ нихъ въ столь щекотливомъ судебномъ разбирательствѣ единогласнаго рѣшенія... Въ оправданіе свое Геккель ссылается на то, что и сотни другихъ натуралистовъ помѣщаютъ въ своихъ сочиненіяхъ не точныя, а лишь схематическіе рисунки, опуская все второстепенное и оставляя лишь существенное, и, слѣдовательно, также виновны въ „поддѣлкѣ“. Въ свою очередь Геккель нападаетъ на Кенлеровскій союзъ, считая, очевидно, его виновникомъ поднявшагося шума; онъ обвиняетъ его въ религіозномъ ханжествѣ, въ прислуживаніи правительству и въ искаженіи истины. „Стараніе ваше“, пишетъ онъ въ заключеніе: „слить съ эмпирическими данными современной науки догматы іудейско-христіанской религіи, на которыхъ покоится ваше дуалистическое міровоззрѣніе,—есть само по себѣ величайшая поддѣлка; въ этомъ смыслѣ Кенлеровскій союзъ можетъ быть названъ „натуръ-философскимъ союзомъ поддѣльвателей“ (naturphilosophische Fälscherbund). Такимъ образомъ, Геккель въ своемъ отвѣтѣ долженъ былъ сознаться, что рисунки, дѣйствительно, были нѣсколько поддѣланы для восполненія цѣли развитія организмовъ, т. е. въ интересахъ его теоріи, а отъ суда чести отказался, не считая нѣмецкихъ эмбриологовъ компетентными судьями. Такой отвѣтъ долженъ былъ поставить сторонниковъ Геккеля въ довольно затруднительное положеніе, и они, хотя и высту-

пили,—въ числѣ 46 профессоровъ анатоміи и зоологіи,—въ защиту его съ открытымъ письмомъ, въ которомъ заявляютъ, что сама теорія о происхожденіи человѣка (Deszedenztheorie) нисколько не страдаетъ отъ неправильной или неточной передачи рисунковъ эмбрионовъ и что нападки Брасса и Кеплеровскаго союза на Геккеля заслуживаютъ порицанія,—по при этомъ принуждены были присовокупить, что сами они не раздѣляютъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Геккелевскаго способа схематизаціи рисунковъ ¹⁾. Другая же группа ученыхъ,—въ числѣ 37, изъ которыхъ 26 естествоиспытателей и медиковъ,—рѣшительно стала въ этомъ спорѣ на сторону союза. Вотъ что читаемъ мы, между прочимъ, въ открытомъ письмѣ этихъ ученыхъ ²⁾: „1) Мы вполне солидарны съ Кеплеровскимъ союзомъ, поставившимъ своею задачею распространеніе въ нашемъ народѣ естественно-научныхъ знаній при соблюденіи извѣстныхъ границъ для естествознанія. Онъ стоитъ при этомъ на почвѣ чисто-научнаго изслѣдованія, и поэтому заявленіе 46-ти, будто отношеніе союза къ Геккелю заслуживаетъ строжайшаго порицанія, неправильно; союзъ, какъ таковой, вообще не начиналъ борьбы противъ Геккеля; если же отдѣльные члены союза сводили съ Геккелемъ личные счеты, то это ихъ дѣло. 2) Мы также вполне солидарны съ К. союзомъ въ томъ, что онъ требуетъ для науки прежде всего любви къ истинѣ. Во взглядахъ на истину ученые могутъ расходиться, но о необходимости добросовѣстнаго отношенія къ научной работѣ все мы должны быть одного мнѣнія; въ противномъ случаѣ наука теряетъ подъ собою всякую почву. Что сказали бы, если бы историкъ для проведенія своей излюбленной теоріи сталъ измѣнять буквы въ какой-либо надписи? Недобросовѣтность Геккеля доказана не только Брассомъ, но и другими; напомнимъ прежде всего о Вильгельмѣ Гисѣ (W. His), который уже въ 1875 г. въ своемъ классическомъ трудѣ „Unsere Körperform“ („Форма нашего тѣла“) указалъ произвольныя измѣненія, сдѣланныя Геккелемъ для доказательства своихъ научныхъ идей. Далѣе—Рютимейеръ (Rüttimeyer) и др. 3) Борьба противъ метода Геккеля не имѣетъ никакой связи съ теоріей

¹⁾ Evangel. Kirchl. Anzeiger, Berlin, 1909, № 9.

²⁾ Reformation, Berlin, 1909, № 14.

развитія, и потому странно увѣреніе 46-ти, что неправильные рисунки эмбрионовъ не нарушаютъ этой теоріи“. Письмо заканчивается обращеніемъ къ коллегамъ въ другихъ нѣмецкихъ высшихъ школахъ съ просьбой справедливѣи относиться къ Кеплеровскому союзу.

Само собою разумѣется, это и самъ Кеплеровскій союзъ не оставилъ безъ отвѣта оскорбительнаго письма Геккеля и порицанія со стороны 46 профессоровъ ¹⁾.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ,—для характеристики аргументаціи монистовъ,—провести двѣ оригинальныхъ гипотезы; одна принадлежитъ W. Meyer'у, другая—W. Bölsche, извѣстнымъ въ Германіи популяризаторамъ монизма и, какъ показываютъ гипотезы, большимъ фантазерамъ, особенно если приходится во что бы то ни стало спасать монистическія теоріи. Первую мы нашли въ популярной книжкѣ Мейера „Твореніе міра“ ²⁾, съ послѣдней познакомились изъ реферата Бельне о раѣ на землѣ, прочитаннаго въ Берлинѣ въ 1910 г.

1) Монисты проповѣдуютъ, что земля когда-то была частью солнца, что подъ вліяніемъ центробѣжной силы эта часть оторвалась, отлетѣла на далекое разстояніе и получила собственное движеніе, зажила собственной жизнью. Въ то время земля была еще въ раскаленномъ видѣ, но постепенно, подъ вліяніемъ низкой температуры мірового эфира, стала охлаждѣвать и облеклась твердою корою, которая становилась все толще и толще. Однако температура на поверхности земли была все еще очень высокая, земля была окутана густымъ паромъ, сквозь который еле-еле проникалъ солнечный лучъ: получились, такимъ образомъ совершенно тепличныя условія и, благодаря этимъ условіямъ, на землѣ, какъ въ огромномъ парникѣ, появилась богатѣйшая растительность, необыкновенно густая, обильная и высокая. Но прошли еще миллионы лѣтъ, земная кора все увеличивалась, покрываясь все новыми и новыми наслоеніями, подъ давленіемъ которыхъ растительный слой постепенно, въ теченіе вѣковъ, превратился въ огромный окаменѣвшій пластъ. Это теорія, объясняющая происхожденіе каменнаго угля, можетъ быть

¹⁾ Evangel. Kirchl. Anzeiger, Berlin, 1909, № 3; Reformation, 1909, № 2 и 12.

²⁾ W. Meyer, Weltschöpfung, S. 71—72.

очень правдоподобна, но въ ней есть небольшой пробѣлъ, который довольно трудно заполнить. Дѣло въ томъ, что, если все происходило такъ, какъ изображаютъ монисты, то растительность должна была покрывать землю неравномѣрно: чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ обильнѣе, чѣмъ дальше, тѣмъ скуднѣе, и, наконецъ, вблизи полюсовъ она должна была совершенно исчезнуть, такъ какъ, каковы бы ни были условія на землѣ въ тотъ отдаленный періодъ, однако и тогда никакое растеніе не могло существовать безъ солнечнаго свѣта, хотя бы и очень слабого, а въ полярныхъ странахъ и въ то время, какъ и теперь, солнце по цѣлымъ мѣсяцамъ не показывалось. Между тѣмъ каменный уголь находятъ всюду: въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія нашли его въ большомъ количествѣ на Шпицбергенѣ, а нѣсколько лѣтъ спустя бельгійская экспедиція открыла богатѣйшія залежи вблизи южнаго полюса. Такимъ образомъ получается противорѣчіе, которое должны были признать и монисты: чтобы спасти теорію, цужно было устранить это противорѣчіе,—и вотъ является Мейеръ со своей оригинальной гипотезой. На землю, говоритъ онъ, упало когда-то нѣкое небесное тѣло, а можетъ быть, и нѣсколько тѣлъ, и сія ужасная катастрофа произвела то, что направленіе земной оси измѣнилось: тамъ, гдѣ были полюсы, очутился экваторъ и наоборотъ. Сѣверный полюсъ до катастрофы былъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ центрѣ Китая, а бывшій южный полюсъ покрытъ теперь океаномъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что на крайнемъ сѣверѣ и на крайнемъ югѣ открываютъ каменный уголь: вѣдь, эти страны лежали близко къ экватору и потому изобиловали растительностью. Но почему же Мейеру понадобилось перенести сѣверный полюсъ именно въ центральный Китай, а не въ другое какое-либо мѣсто на югѣ? Да просто потому, что центръ Китая еще не изслѣдованъ геологически и, можетъ быть, тамъ каменнаго угля и нѣтъ, а на противоположномъ концѣ бывшей земной оси, т. е. въ океанѣ, о какихъ-либо раскопкахъ не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, никакого противорѣчія нѣтъ, и монистическая теорія спасена. Если же въ послѣдствіи въ центральномъ Китайѣ и найдутся залежи каменнаго угля, то къ тому времени выступить другой монистъ съ новою гипотезой.

2) Монисты, признавая теорію развитія организмовъ и происхожденія человѣка отъ обезьяны, ссылаются, между прочимъ, на новѣйшія данныя геологіи и палеонтологіи: въ частности, ископаемая кость человѣка, обезьяны и другихъ живыхъ существъ доказываютъ, будто бы, постепенный переходъ отъ животныхъ къ ископаемому человѣку,—имѣющему въ свою очередь нѣсколько ступеней развитія, смотря по древности того геологическаго пласта, въ которомъ найдены кости,—отъ ископаемаго человѣка, отъ низшихъ—къ высшимъ. У современнаго австралійскаго дикаря, напр., черепъ значительно меньше, чѣмъ у европейца, лицевой уголъ также меньше, бровныя дуги болѣе выдвигаются впередъ, въ костяхъ ногъ замѣчается искривленіе внутрь и т. д. Чѣмъ болѣе мы удаляемся при изслѣдованіи отъ европейца къ ископаемому человѣку, а отъ послѣдняго къ обезьянѣ и т. д., тѣмъ признаки эти становятся яснѣе и, такимъ образомъ, получается непрерывная цѣпь организмовъ, заканчивающаяся современной англосаксонскою расой, которая признается наиболѣе развитой. Теорія, несомнѣнно, весьма заманчивая по своей простотѣ и законченности. Но недавно случилось событіе, которое нанесло сильный ударъ правдоподобности этой теоріи. Дѣло въ томъ, что однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и очевидныхъ признаковъ постепеннаго перехода отъ человѣка къ животнымъ монисты считаютъ измѣненіе челюсти: чѣмъ выше человѣческая раса, тѣмъ зубы мелче и ровнѣе, и чѣмъ ниже, тѣмъ болѣе выступаютъ передніе зубы, клыки, которые у первобытнаго ископаемаго человѣка достигаютъ значительной величины и крѣпости. Объясняется это тѣмъ, что для первобытнаго человѣка клыки были необходимы, какъ для животнаго, отчасти для защиты отъ враговъ, отчасти для питанія: предполагается, что онъ, какъ тигръ, разрывалъ мясо и раздроблялъ кости. Съ развитіемъ же человѣка, съ появленіемъ болѣе культурныхъ условій жизни, необходимость клыковъ уменьшается, и они постепенно исчезаютъ. И вотъ недавно недалеко отъ Гейдельберга при раскопкахъ въ одной пещерѣ нашли останки человѣка; судя по слою земли, человѣкъ этотъ принадлежалъ весьма древней эпохѣ; на то-же указывали и другіе признаки. Но каково было разочарованіе монистовъ, когда при изслѣдованіи челюсти незнакомца не

только не оказалось вовсе клыковъ, но и вообще зубы оказались настолько ровны и правильны, что обладателю ихъ могъ бы позавидовать и его современный потомокъ! Нужно было какъ-нибудь объяснить это странное явление, что и поспѣшили сдѣлать Бельше при помощи слѣдующей гипотезы. Мѣстность, въ которой находится указанная пещера, представляла собою миллионы лѣтъ тому назадъ небольшой островъ, окруженный со всѣхъ сторонъ водою, такъ что къ обитателямъ сего острова не могли проникнуть ни люди, ни животныя изъ другихъ странъ. Имъ поэтому не приходилось вести жестокой борьбы за существованіе, они жили тихо и счастливо, находя все нужное для себя на островѣ,—однимъ словомъ это былъ рай на землѣ,—вѣроятно, тотъ самый, сказанія о которомъ существуютъ у всѣхъ народовъ. Неудивительно, что для клыковъ, которыми когда-то обладали эти счастливыя (надо замѣтить, что островъ этотъ, по мнѣнію Бельше, образовался неожиданно, благодаря какой-то ужасной катастрофѣ) не было уже примѣненія и... клыки атрофировались, исчезли. Къ такимъ райскимъ жителямъ принадлежалъ и найденный близъ Гейдельберга.

Къ сказанному остается лишь прибавить, что подобныя гипотезы излагаются монистами только въ популярныя брошюркахъ, да въ рефератахъ для простаго народа.

Священникъ Николай Сахровъ.
